Всероссийская олимпиада школьников по литературе

2022 – 2023 учебный год

Региональный этап

11 класс

Задание №1.

В мемуарном (хотя и не совсем достоверном) романе В.П. Катаева «Алмазный мой венец» изображены друзья и современники автора, известные писатели и поэты. Действие романа происходит в Москве в 1920-е годы. Определите, о каких писателях – их романные обозначения выделены жирным шрифтом – идёт речь в каждом из отрывков (впишите фамилию в Лист ответов):

1.1. Хотя ***синеглазый*** был по образованию медик, но однажды он признался мне, что всегда мыслил себя писателем вроде Гоголя. Одна из его сатирических книг по аналогии с гофманиадой так и называлась «Дьяволиада», что в прошлом веке, вероятно, было бы названо более по-русски «Чертовщина»: история о двух братьях Кальсонерах в дебрях громадного учреждения с непомерно раздутыми штатами читалась как некая «гофманиада», обильно посыпанная гоголевским перцем. Синеглазый вообще был склонен к общению со злыми духами, порождениями ада.

1.2. Теперь трудно поверить, но в моей комнате вместе со мной в течение нескольких дней на диване ночевал великий поэт ***будетлянин***, председатель земного шара. Здесь он, голодный и лохматый, с лицом немолодого уездного землемера или ветеринара, беспорядочно читал свои странные стихи, из обрывков которых вдруг нет-нет да и вспыхивала неслыханной красоты алмазная строчка, например: «Мне мало надо! Краюшку хлеба, да каплю молока, да это небо, да эти облака». Или же совсем великое! «Свобода приходит нагая, бросая на сердце цветы…»

1.3. Не избежал этого и один из самых выдающихся среди нас прозаиков — ***конармеец***, тем более что он действительно в качестве одного из первых советских военных корреспондентов проделал польскую кампанию вместе с Первой конной Будённого. «Леф» напечатал его рассказ «Соль». Конармеец стал невероятно знаменит. На него писали пародии и рисовали шаржи, где он неизменно изображался в шубе с меховым воротником, в круглых очках местечкового интеллигента, но в будённовском шлеме с красной звездой и большой автоматической ручкой вместо винтовки.

Задание №2

На рисунках 1 – 3 и 4 – 6 представлены значимые предметные детали из произведений русских писателей. По каждой комбинации предметов определите, какое произведение ими загадано. Впишите его название и имя автора в Лист ответов.

Произведение №1

Рис.1

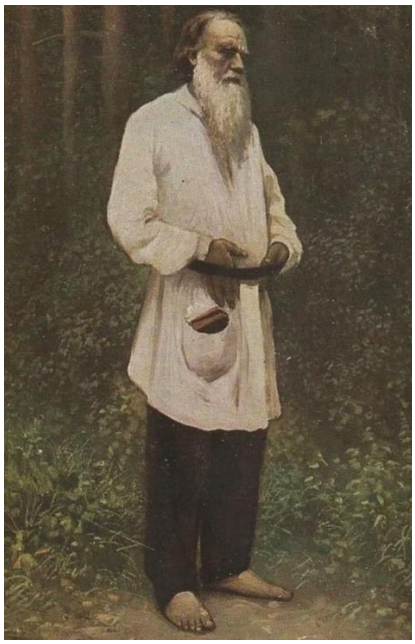

Рис.2

Рис.3

Произведение №2

Рис.4

Рис.5

Рис.6

Задание №3

Известный стиховед М.Л. Гаспаров писал: «Есть детский вопрос, который стесняются задавать литературоведы: почему поэт, начиная стихотворение, берёт для него именно такой-то размер, а не иной? Как на все детские вопросы, на него очень трудно ответить». Проанализировав огромное количество стихотворений, написанных в XIX и XX веке, исследователь пришёл к выводу, что трёхстопным хореем пишутся по

преимуществу пейзажные стихотворения, в которых соединяются тема пути – и отдыха, часто воспринимаемого как аллегория смерти.

Ниже приведены пять поэтических фрагментов. В Лист ответов внесите номера тех примеров, которые можно использовать для аргументации этого утверждения:

3.1. Не пылит дорога,
Не дрожат листы...
Подожди немного,
Отдохнёшь и ты. (М. Лермонтов)

3.2. Весело выходит
Странник утром в путь,
Но под вечер дома
Рад бы отдохнуть… (А. Плещеев)

3.3. День был долог и зноен…
Ночь идёт и поёт
Колыбельную песню
И к покою зовёт. (И. Бунин)

3.4. Мерно вьёт дорога.
Одинокий путь.
Я в руках у Бога,
Сладко дышит грудь. (В. Брюсов)

3.5. Утро туманное, утро седое,
Нивы печальные, снегом покрытые… (И. Тургенев)

Задание №4

Выполните целостный анализ прозаического ИЛИ стихотворного произведения (ОДНОГО – на выбор).

Марина Москвина

(род. в 1954 г.)

НАШ МОКРЫЙ ИВАН

Я вернулся из школы, смотрю: мама сидит грустная около наряженной ёлки. И говорит:

– Всё, Андрюха. Мы теперь одни. Папа меня разлюбил. Он сегодня утром в девять сорок пять полюбил другую женщину.

– Как так? – Я своим ушам не поверил. – Какую другую женщину?!!

– Нашего зубного врача Каракозову, – печально сказала мама. – Когда ему Каракозова зуб вырывала, наш папа Миша почувствовал, что это женщина его мечты.

Вот так раз! Завтра Новый год, день подарков, превращений и чудес, а мой папа отчебучил.

Я боялся взглянуть на мокрого ивана. Это наш цветок – комнатное растение. Он без папы не может и дня. Как папа исчезает из поля зрения – в отпуск или командировку – наш мокрый иван... сбрасывает листья. Стоит с голым прозрачным стволом, пока папа не вернётся, – хоть поливай его, хоть удобряй! Не мокрый иван, а голый вася.

Иван был мрачнее тучи.

– Уложил в новый чемодан новые вещи, – рассказывала мама, – и говорит: «Не грусти, я с тобой! Одни и те же облака проплывают над нами. Я буду глядеть в окно и думать: "Это же самое облако плывет сейчас над моей Люсей!"»

Насчёт облаков папа угодил в точку, ведь зубодёрша Каракозова жила в соседнем доме, напротив поликлиники. И я, конечно, сразу отправился к нему.

Как можно разлюбить? Кого? Маму??? Бабушку?! Дедушку Сашу?!! Да это всё равно что я скажу своему псу (у меня такса Кит): «Я разлюбил тебя и полюбил другого – бультерьера!» Кит уж на что умник – даже не поймёт, о чём я говорю!

Я позвонил. Открыл мой папа Миша.

– Андрюха! – он обнял меня. – Сынок! Не забыл отца-то?!

И я тоже его обнял. Я был рад, что его чувства ко мне не ослабели!

Тут вышла Каракозова в наушниках. У неё такие синие лохматые наушники. Она в них уши греет. В квартире у неё невероятный холод. Сидят здесь с папой, как полярники. Папа весь сине-зелёный.

– Мой отпрыск, – с гордостью сказал он ей, – Андрюха!

– Молоток парень!

Папа:

– Может, будем обедать?

А Каракозова:

– Надо мыть руки перед едой!

Пока мы с папой мыли руки, он мне и говорит:

– Врач Каракозова Надя – весёлый, культурный человек. У неё широкий круг интересов. Она шашистка, играет в пинг-понг. Была в шестнадцати туристических походах, пять из них – лодочные!

– Вот здорово! – говорю.

Я сразу вспомнил, как мама однажды сказала: «Андрюха вырастет и от нас уйдёт». А папа ответил: «Давай договоримся: если кто-нибудь из нас от нас уйдёт, пусть возьмёт нас с собой».

Тут Каракозова внесла запечённую курицу в позе египетского писца: выпуклый белый живот, полная спина и крылышки сложил на груди.

Она не пожмотничала– положила нам с папой каждому крыло, ногу и солёный огурец.

– Огурцы, – важно сказал папа, – Надя солит сама в соке красной смородины!

– Немаловажен укроп, – говорит Каракозова. – Только укроп нужно брать в стадии цветения.

Видно было, что она по уши втрескалась в нашего папу. И правильно сделала! В кого ж тут влюбляться из пациентов, кроме него? Вот он какой у нас, как наворачивает курицу! В жизни не подумал бы, что этому человеку сегодня вырвали зуб!

– Надя – прекрасный специалист, – с нежностью сказал папа.

– А я вообще люблю вырывать зубы. – Каракозова улыбнулась. – Вайнштейн не любит. Так я и вырываю за себя и за него.

Папа переглянулся со мной: дескать, видишь, какая славная! Я сделал ему ответный знак.

Папа был в ударе. Усы торчат. Взор горит. И много ошарашивающего рассказал он о себе.

Рассказ у него шёл в три ручья. Первый – за что папа ни возьмется, выходит у него гораздо лучше всех. Премии и первые места на папу валятся – не отобьёшься! И у него есть все данные считать себя человеком особенным, а не каким-нибудь замухрышкой. Второй – что в семье, где он раньше жил (это в нашей с мамой!), его считают ангелом.

– Скажи, Андрюха, я добрый? – говорил папа. – Я неприхотливый в еде! Я однолюб! И два моих принципа в жизни – не унывать и не падать духом!

Третий ручей был о том, какую папа Миша играет огромную роль в деле пылесошения и заклейки окон. И чтоб не быть голословным, он вмиг заклеил Каракозовой щели в окнах, откуда вовсю дули ветры с Ледовитого океана. А также, хотя Каракозова сопротивлялась, пропылесосил ей диван-кровать.

– Может, у вас есть клопы? Или тараканы?– спросил я у Каркозовой. – Папа всех здорово морит.

– Миша – это человек с большой буквы! – ответила она с нескрываемой радостью.

Я стал собираться. Папа вышел в переднюю меня проводить. Он спросил, завязав мне на шапке-ушанке шнурки:

– А как вы без меня, сынок? Кит в живых? Вы смотрите, чтоб вас не ограбили. Сейчас очень повысился процент грабежей.

Сам должен понимать, какой сторож Кит! Кит умирает от любви к незнакомым людям. Если к нам вдруг заявятся грабители, он их встретит с такой дикой радостью, что этих бандитов до гробовой доски будет мучить совесть.

– А как мокрый иван? – спросил папа.

– Не знаю, – говорю. – Пока листья на месте. Но вид пришибленный.

Что-то оборвалось у папы в груди, когда он вспомнил про ивана.

– Я просто чудовище, – сказал он. – Надя! Дома мокрый иван! Вот его фотография. Здесь он маленький. Мы взяли его совсем отростком... За столетник-то я спокоен – он в жизни не пропадет. А иван без меня отбросит листья. Надя! – Папа уже надевал пальто. – Пойми меня и прости!..

– Я понимаю тебя, – сказала Каракозова. – Я понимаю тебя, Миша. Ты не из тех, кто бросает свои комнатные растения.

– Я с тобой! – вскричал папа. – Одни облака проплывают над нами. Я буду смотреть и думать: «Это же самое облако проплывает над моей Надей».

– Да вы приходите к нам праздновать Новый год! – сказал я.

– Спасибо, – ответила Каракозова.

– Но моя Люся,– предупредил папа, – не может печь пироги. Она может только яйцо варить.

– Ничего, я приду со своими пирогами, – тихо сказала Каракозова.

И мы отправились домой с папой и с чемоданом.

А мама, и Кит, и мокрый иван, и даже столетник чуть листья не отбросили от радости, когда увидели нас в окно.

1992

Владимир Строчков

(*род. в 1946* г.)

Вот мы пишем, пишем письмена свои на воде,
чтоб они уплывали к народам с течением вод,
но становятся воды, цветут и гниют. И в беде
опускаем мы руки тогда и бормочем: – Ну, вот!

А потом мы пишем свои письмена на песке,
чтоб они на века здесь остались, окаменев,

но приходит ветер и сдувает их, и в тоске
мы не в силах скрыть разочарованье и гнев.

И тогда на бумаге мы пишем свои письмена,
знак за знаком плотно их располагая в ряд,
чтоб они сохранились на вечные времена
потому что рукописи, говорят, не горят.

Но приходит огонь, и бумага горит в огне
с письменами ли, без, и опять мы бубним: – Беда!
Неужели такого места на свете нет,
чтобы можно было писать письмена навсегда?

Мы обманный и грешный, гречневый, манный люд
с той далёкой поры, как сидели ещё на горшке.
Кто из нас, доказавши всем, что он не верблюд,
всё равно головой не застрянет в игольном ушке?

Но нельзя ли хоть руку просунуть, хотя б одну,
чтобы там, у порога, вписать на входную скрижаль
письмена наши многострадальные? Ну,
может, можно?..

2008

Задание №5

Представьте, что вы – редактор-стажёр в издательстве, специализирующемся на выпуске книг для школьников. Готовится переиздание поэмы А. Блока «Двенадцать» – и вам поручено сделать обзор обложек, в которых произведение выходило раньше. Главному редактору важно из этого обзора понять: 1) как менялись на протяжении прошедших десятилетий визуальные образы, использовавшиеся в оформлении обложки (детали, композиция, шрифт и т.д.); 2) как связано оформление книг с содержанием произведения; 3) как в оформлении книг отразился исторический и культурный контекст времени их издания. Примерный объём вашего текста – 200-250 слов.

Рис.1
Издание 1921 г. (Алконост)

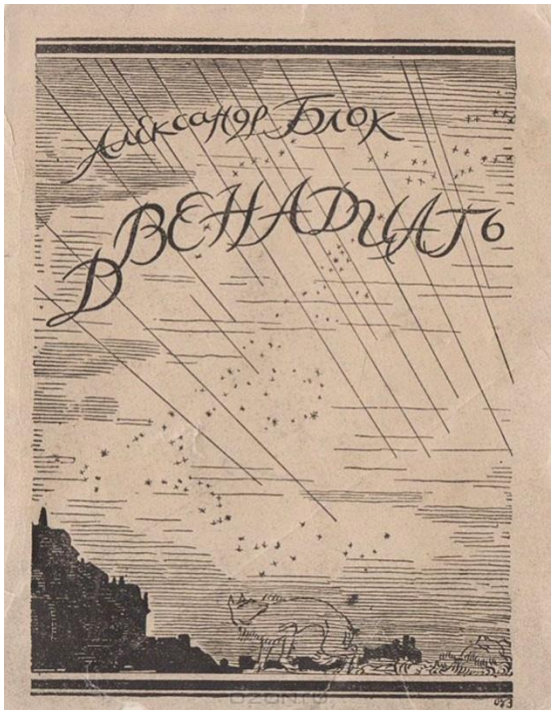

Рис.2
Издание 1977 г.
(Художественная литература)

Рис.3
Издание 2010 г. (Прогресс-Плеяда), рис. А. Аршинова (1923 – 1924 гг.)

